

ТЕОРИЯ ПРАКТИК В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

И.С. Романычев

Институт переподготовки и повышения
квалификации руководящих кадров и
специалистов
системы социальной защиты населения
г. Москвы

romanychevilya@mail.ru

В статье раскрывается потенциал использования теории практик в исследованиях социальной работы. Анализируются основные теоретико-методологические положения теории практик применительно к специфике процессов, протекающих при осуществлении социального обслуживания клиентов. Оценивается значимость микросоциологического подхода к организации исследований в сфере социальной работы. Рассматривается возможность роста адаптивного потенциала клиентов социальных служб посредством коррекции повседневных практик. Теория практик констатирует сосуществование различных «социальных миров» клиента социальной службы, в связи с чем находят объяснение многие противоречия процесса оказания социальных услуг.

Ключевые слова: практика, повседневность, жизненный мир, дискурс, социальная служба, клиент.

THE THEORY OF PRACTICES IN STUDIES OF SOCIAL SERVICES

I.S. Romanychev

The Institute of retraining and improvement
of qualification of the managerial personnel
and specialists of the system of social
protection of the population of the city of
Moscow

romanychevilya@mail.ru

The article reveals the potential of the use of the theory of practices in studies of social work. Analyzes the main theoretical and methodological positions of the theory of practices relating to specific processes, occurring during the implementation of the social customer service. Estimated significance microsociological approach to the organization of research in the field of social work. Considers the possibility of growth of the adaptive potential clients of social services through correction of everyday practices. Theory of practices of States coexistence of different «social worlds» of the client's social services, therefore, find the explanation of many of the contradictions of the process of provision of social services.

Key words: practice, routine, life world, discourse, social service, client.

В последние несколько десятилетий понятие «практика» стало одним из центральных в социальных науках. Это обусловлено, в первую очередь, «прагматическим поворотом», который мировая социология пережила в конце XX века и последствия которого наблюдаются в своеобразной гуманизации методологии исследований и усилении значимости качественных исследовательских методик. Сегодня наблюдается ренессанс микросоциологии, поскольку исследования глобального мира и глобальных процессов нуждаются в переплетении с исследованиями человеческой повседневности. На страницах ведущих социологических изданий понятие «практика» все чаще употребляется во множественном числе, хотя еще недавно считалось, что в русском языке этому слову уготовано употребление исключительно в единственном числе. Противоречия между предписаниями формальных социальных институтов и реальными повседневными практиками индивидов давно уже стали центральным предметом многих социологических исследований. Теория практик во многом проливает свет на причины неудач многих социальных преобразований в нашей стране, поскольку позволяет выявить тонкие механизмы конструирования социальной реальности и социального действия, трудно познаваемые с помощью массовых опросов, зато легко раскрывающиеся в процессе длительных разговоров с акторами и прямого наблюдения за их деятельностью.

Традиционно теория практик рассматривается в контексте социологии повседневности — исторической попытки трансформировать успешные стать традиционными представления о структурно-функциональной, экономической или

культурологической детерминированности деятельности человека в пользу более «очеловеченной» парадигмы, уделяющей внимание различным формам коллективной человеческой деятельности, способствующей изменениям социальных институтов. Теория практик претендовала и продолжает претендовать на своеобразный «третий путь» в социологии — нахождение золотой середины между системно-структуралистским и феноменологическим подходами (в данном случае взяты наиболее весомые с точки зрения частоты их использования подходы). Если первый «настаивает» на объективизме в попытках объяснить закономерности функционирования социальных процессов, то второй — на субъективизме. Теория практик делает попытку найти компромисс между двумя подходами либо посредством категориального синтеза, либо посредством «перемещения» социальных структур в сознание самого актора.

При этом стоит учесть, что повседневность не так проста в своем раскрытии, как может показаться. Именно повседневность чаще ускользает от рефлексии, чем конкретные события, не вписывающиеся в привычный круговорот каждодневных явлений. Именно обыденная жизнь зачастую остается пренебрегаемой многими исследователями, а интерес к социальным явлениям просыпается только тогда, когда происходит что-то экстраординарное, нарушающее привычный уклад и, что немало важно, привычный ход мыслей многих акторов. Появление социологии повседневности и теории повседневных практик заставило искать новые формы регистрации, оценки и интерпретации повседневных явлений окружающего мира.

Термин «повседневность» фигурирует в работах А. Шюца для социологической

концептуализации понятия «жизненный мир», что является центральным предметом рассмотрения в феноменологической социологии. По А. Шюцу, повседневный жизненный мир – такая область реальности, которую индивид склонен воспринимать как некую данность, как нечто «само собой разумеющееся». Повседневный мир представляется миром рутинной деятельности, миром работы. При этом А. Шюц пытался проанализировать воспринимаемые как само собой разумеющиеся допущения обыденного мышления при повседневном взаимодействии. Важность научной проблематизации повседневности отражается в работах Г. Гарфинкеля, который недвусмысленно указывал на необходимость «взгляда со стороны» на практики повседневного действия и взаимодействия, дабы уловить негласные и неформализованные правила организации этой повседневности. Ю. Хабермас противопоставляет жизненный мир (повседневную жизнь) и социальную систему; согласно его концепции, процессы модернизации и рационализации ведут к колонизации жизненного мира. И. Гофман изучал повседневную жизнь как постановку (*performance*), а также концептуализировал теорию фреймов как когнитивных конструкций, включающих ожидания и установки в процессе повседневного взаимодействия. П. Бурдьё разработал понятие габитуса, с помощью которого мир повседневности описывается как система практик, воплощающих наши фундаментальные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей¹. По Э. Гидденсу, основной формой существования в повседневном мире ста-

новится практическое действие, образующее динамическое единство со структурным контекстом. Таким образом, социология повседневности имеет прочные теоретические основы и порождает, как кажется, более концептуальный взгляд на происходящее в мире, чем структурный функционализм или феноменология в чистом виде.

В целом практики можно представить как свободно выбираемые и устойчивые формы обыденных рутинных действий в пределах возможностей физического и социального пространства. Повседневные практики выступают инструментом конструирования идентичности, в этом плане они рассматриваются как совокупность навыков практического искусства, позволяющего раскрыться индивиду в том или ином социальном качестве. В конечном итоге практики воплощают в себе обычные для данной культуры навыки обращения с объектами и людьми, они не имеют эксплицитных правил, им не обучают явным образом. Повседневной практике свойственна протяженность во времени и пространстве. Но главное то, что в своей реализации практика должна пребывать в единстве со структурным контекстом.

Исследования деятельности социальных служб требуют расширения своей теоретической основы и методологического содержания. Сегодня, в период модернизации социальной сферы, актуализируется изучение практик взаимодействий между социальными работниками и клиентами, поскольку, только познав подобные практики, можно увидеть скрытые закономерности выстраивания действенных структур, не охваченных социальным законодательством и не регламентированных положениями, уставами и должностными

¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. – М.: Экономика, 2004. – С. 455–456

инструкциями. Конструктивный потенциал этих структур должен использоваться в процессе модернизации социальной защиты населения, деструктивный – нивелироваться самими же преобразованиями. Представленные в этой статье наиболее проблемные точки изучения практик клиентов социальных служб могут обосновать перспективные направления социологических исследований в сфере социальной работы.

Проблема самоидентификации клиента, а равно и идентификации его «клиентского статуса» сотрудниками социальной службы – весьма скрытый аспект взаимного несоответствия ожиданий сотрудников учреждения и клиентского контингента. По Бурдьё, одним из важных условий исследований практик выступает заложение в основу классификации акторов их суждений и предпочтений (всего того, что напрямую относится к габитусу). В результате идентификации предпочтений реконструируется поле повседневных классификаций, позиции в котором определяются исходя из того, как группируются предпочтения. Что немаловажно – показывается, по каким правилам генерируются повседневные суждения акторов, содержащие предпочтения и отрицания и реализующиеся в стилях жизни. Это символизирует особый подход к структурированию социального, поскольку в основе – не приписанные свойства индивида, а его индивидуальные, личные взгляд и предпочтения. Место актора в том или ином компоненте структуры (классе, слое, страте) определяется, помимо всего прочего, практиками, с помощью которых люди себя ограничивают, реализуя свои предпочтения и проживая свои классификации окружающего мира. Вопрос состоит в том, насколько

можно признать данные механизмы универсальными и насколько долго сложившееся поле предопределяет повседневные практики. Но вместе с тем автор не считает возможным пренебрегать данным аспектом в силу важного обстоятельства. Исследование повседневных практик клиента социальной службы может пролить свет на очень важный вопрос, волнующий работников социальных служб, а именно: каковы смысловые и деятельностные грани самоидентификации клиента социальной службы как социально уязвимого и нуждающегося в социальных услугах. Нет ли здесь подвоха, проявляющегося на практике в том, что к потреблению социальных услуг стремятся в том числе и те, кто в них не нуждается? Вопрос о том, насколько клиент воспринимает себя как клиента, а также о том, насколько он сам оценивает свое место в социальной структуре, воспринимает роль социальных служб в жизни общества, имеет те или иные взгляды на процессы решения социальных проблем – это вопрос принципиально нового структурирования поля деятельности социальных служб. В этом новом структурировании весомая роль должна принадлежать исследованиям того самого габитуса клиентов социальных служб, предопределяющего повседневные практики не только взаимодействия с учреждениями социальной сферы, но и самостоятельного поиска средств к существованию, решения каждодневных проблем социальной адаптации и личностного развития. Повседневные практики клиентов социальных служб неминуемо несут на себе отпечаток адаптивного потенциала каждого конкретного клиента, а следовательно, должны использоваться социальными работниками для повышения эффективности своей деятельности. Другой

вопрос, что исследования повседневных практик не всегда могут вписаться в существующие методы социальной диагностики, во-первых, а исследования предпочтений и взглядов клиентов (габитуса) не всегда могут стать препятствием к потреблению услуг не нуждающимся индивидом – во-вторых. Но в любом случае сама возможность взглянуть на клиентов не только с позиции их принадлежности какой-либо категории, а в том числе с позиции их каждодневных действий и смыслов, которые они в эти действия вкладывают, может стать важным шагом вперед в деле осознания того, что такое адресность предоставления социальных услуг, а также спровоцировать появление новых технологий социального обслуживания, направленных на коррекцию повседневных практик освоения клиентом окружающего мира.

Говоря о проблемах формирования практик, нельзя упускать из виду особенности пользования языком в процессе повседневного взаимодействия. Прагматическая картина социальной реальности предполагает, что смысл слов определяется практическим контекстом их использования. Вместо размышлений об абстрактно-логическом соотношении слов и вещей необходимо обращаться к реальному использованию слов в практике повседневной жизни. По Витгенштейну, следует рассматривать предложение как инструмент, а его смысл – как применение². Языковые игры, возникающие ежеминутно в повседневной жизни, представляют собой компонент деятельности и форму жизни. Многие предложения становятся заученными и дежурными, их употребление тоже представля-

ет собой фоновую практику, цементирующую повседневность и обыденность. При этом употребление их только тогда имеет изначальный смысл, когда актер четко знает, что данная фраза будет понята его партнером. И в данном случае можно говорить не только о том, что партнер поймет именно логический смысл, но и о том, что партнер уловит контекст использования данной фразы. При взаимодействиях между клиентом и обслуживающим контингентом далеко не сразу формируется взаимопонимание, и происходит это не только по причине незнания клиентом того, что ему положено, или незнания социальным работником особенностей данного клиента, но и по явной причине непонимания понятий и смыслов используемых фраз. Это, в свою очередь, исходит из неразвитого опыта взаимодействия между двумя субъектами, но быстро исправляется с помощью постоянных взаимных погружений в мир действий друг друга, что приводит к формированию особых языковых игр в процессе обслуживания.

Интересным моментом в обосновании теории практик является особое рассмотрение феномена вещи. Вещи в данном случае предстают не как неодушевленные и вечно манипулируемые объекты, а как особые элементы человеческого бытия, входящие в жизнь человека подобно людям и обретающие свой особый дух. За этим «духом вещи» нетрудно усмотреть власть общества, которое бессловесно требует признания за любой вещью какой-либо ценности. Эта ценность, в свою очередь, должна проявиться в процессе дарения и обмена, ибо только в этом можно увидеть истинную значимость «безжизненных элементов» повседневного бытия. Особая роль вещей в практиках – роль эквивалента и регулято-

² Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с англ. М.С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – с. 84

ра отношений – может рассматриваться как краеугольный камень проблематизации отношений распределения-потребления, столь характерного для социальной сферы. Ценность того или иного социального блага (в первую очередь овеществленного) по идее должна поддерживаться в сознании акторов через систему практик ее (вещи) получения и использования. Блага, получаемые слишком легко, не ценятся в том смысловом аспекте, который в них вкладывается дарителями-распределителями (государством и обществом). Другой вопрос, что эта легкость получения не должна касаться только процесса получения. Ведь социальному благу могут предшествовать жизненные заслуги человека, характеризующиеся большими трудностями, а также многое другое. Однако, в любом случае система смыслов (именно система), довлеющая над сознанием потребителей социальных услуг, должна регулироваться как с помощью понятий, используемых в социальной работе, так и с помощью практик, складывающихся в процессе предоставления услуг и благ, и ни в коем случае не должна способствовать привлечению к системе социальных благ не нуждающихся в них клиентов.

Особую страницу в теории практик занимает разработка вопросов дискурса. Если понимать под дискурсом социально обусловленную организацию системы речи, а также совокупность принципов, в соответствии с которыми реальность репрезентируется, то практики и дискурс предстанут как взаимообусловленные явления. В этой связи интерес представляют работы М. Фуко, уделявшего проблеме дискурса самое серьезное внимание. По Фуко, дискурс надо рассматривать не как совокупность документов, а как деятельность,

которая оставляет после себя монументы³. Фуко в меньшей степени обращал внимание на тексты и способы их рассмотрения и анализа – все это символизирует некую другую реальность и не столь полезно для практического изучения предметов и явлений. Фуко интересуется не тем, что дискурс отражает, а тем, что дискурсивные практики делают и как они существуют. Именно поэтому дискурсивные практики рассматриваются как монументы. Дискурсивная практика – это дискурсивное действие, делание чего-либо с помощью слов. Это обращение с текстами и словами не для того, чтобы почерпнуть из них информацию, а обращение с ними как с событием, с некоей трансформацией реальности⁴.

Вышеуказанное означает широкое масштабы восприятия практик, особенно об этом свидетельствует исторический контекст их рассмотрения и анализа. Однако важно заметить, что феномен дискурса не может не быть полезным в исследованиях в том числе и социальной сферы, поскольку множество коммуникативных актов, на которых строится система отношений сотрудников и клиентов, по определению вписаны в те или иные дискурсивные практики. Также важным представляется вышеупомянутое расширение контекста восприятия практик, в том числе клиентских, вплоть до историко-ориентированного масштаба. Феномены потребителя социальной услуги сегодня и вчера могут очень сильно отличаться как в силу изменений в самой социальной сфере, так и в силу изменения ментальности, уровня и качества жизни, различных аспектов самоидентификации.

³ Фуко М. Археология знания. – СПб.: А-сад, 1994. – С. 42–43.

⁴ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 161.

фикации клиента. Наконец, приведенное определение цивилизационной культуры может способствовать более глубокому пониманию поведения клиента социальных служб в нашей стране. А это, в свою очередь, должно содействовать претворению в жизнь процесса формирования клиента нового образца, с трансформированным характером не только потребностей, но и способов противостояния социальным проблемам.

Говоря о практиках, нельзя не остановиться на очень важном аспекте выстраивания практик взаимодействия между субъектами, а именно – на роли властных отношений между двумя и более индивидами в регулировании и коррекции практик. Здесь более, чем в любом другом случае, надо сделать акцент на то, что практика – это почти всегда *взаимодействие*, а значит, оно характеризуется ориентациями на другого, вне зависимости от того, где он физически располагается – далеко или близко. Безусловно, власть предполагает наличие у властвующего субъекта некоего ресурса влияния, при использовании которого он может воздействовать на поведение объекта. Однако, обращаясь к тому же Фуко, можно кардинальным образом пересмотреть прагматические основы власти и остановиться на следующих важных моментах. Во-первых, сам же «подвластный» индивид является эффектом власти (что в смысловом плане несколько отличается от вышеуказанного «объекта» власти). Власть предусматривает постоянное производство идентификаций, вследствие чего могут меняться аспекты самовосприятия индивида. Во-вторых, власть зачастую имеет не вертикальное, а горизонтальное измерение. Властные полномочия временно захватываются теми, кто еще вчера был на-

равне с остальными, однако прекращение этих полномочий может наступить в любой момент. В этих случаях совершенно не обязательно наличие властной идеологии, и, даже если она существует, горизонтальная власть сводится к использованию идеологизированных практик, больше восходящих к культуре межчеловеческих отношений, но никак не к политике.

По сути, власть предполагает наличие практик, укладывающихся в смысловое содержание власти, но не отрегулированных официально. В этом смысле любая власть – это стратегия без стратега⁵. Наличие же стратега предполагает известную степень изобретательности в практиках реализации стратегии. Взаимоотношения между клиентом и производителем услуг, изученные на сегодняшний день вдоль и поперек, до сих пор провоцируют постановку вопроса, кто над кем имеет власть в процессе предоставления и потребления услуг, в том числе и в социальной сфере. Если исходить из вопроса наличия-отсутствия стратегии, то у клиента стратегия сводится к тому, чтобы в процессе потребления услуг упорядочивать повседневную жизнь в сторону роста определенности, эмоциональной и информационной насыщенности и т. п. Иными словами, его стратегия направлена на него же самого. В то же время у производителя услуг, помимо всего прочего, наличествует стратегия постоянного вовлечения клиента в процесс потребления, а следовательно, инициации своеобразного властвования над ним. По сути, производитель только на это и работает, ибо в большинстве случаев продолжение потребления клиентом его услуг – это верная прибыль. Однако неприбыльные сфе-

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Marginem, 2002. – С. 187.

ры, к которым в первую очередь относится социальная сфера, стремятся к поддержанию уровня и качества жизни человека отнюдь не из стремления обогатиться. Речь может идти о глубоких механизмах поддержания социальной солидарности, снижения социальной напряженности, сохранения социальной стабильности в обществе. В этом смысле власть, которой обладает над клиентами данный производитель услуг, представляет собой особую модель влияния и надзора. Это власть над человеком ради самого же человека, это власть, стратегия которой очень сильно соответствует стратегии человека в отношении самого себя. Именно эта близость стратегий провоцирует известное свойство социальной сферы, в ней – как ни в какой другой отрасли – важен потенциал человеческих, эмоционально окрашенных и одухотворенных отношений между тем, кто является клиентом, и тем, кто производит и предоставляет услуги. И это в идеале абсолютно не исходит из уровня платежеспособности клиента. Именно этот характер отношений поддерживает не только человека, но и саму социальную сферу, поскольку не позволяет клиентам «выпасть» из системы подобных отношений и спровоцировать распад клиентского контингента учреждений социальной защиты, образования, а иногда и здравоохранения. Однако это не единственное свойство социальной сферы, так сильно отличающее ее от собственно сферы услуг, а равно и властные отношения клиент–производитель услуги в социальных учреждениях имеют более глубокий и своеобразный характер.

Практики взаимодействия в неравных условиях и статусах почти всегда предполагают «подстраивание» одного актора под содержание поведения другого. И даже в

том случае, когда имеет место потенциал противодействия, акторы в подобных условиях склонны сохранять конформность. Следует отметить, что конформность подразумевает не слепое подчинение правилам и не пассивность, а именно «подстраивание» под властный вектор для того, чтобы тебя не идентифицировали с недругом. «Слабой» стороне присуща большая мобильность, гибкая организация, манипулирование идентичностью. Противодействие носит скрытый характер. Мало того, субъекты противодействия используют важные составляющие институционального влияния – информационную и организационную. Однако при исследовании практик клиентов социальных служб необходимым представляется рассмотрение формирования практик не столько противодействия, сколько взаимодействия, во-первых, и не столько в вертикальном аспекте, сколько в горизонтальном – во-вторых. Взаимодействие социального работника и клиента, вероятнее всего, не всегда сводится только к солидаризирующему взаимосочетанию действий друг друга, здесь также может присутствовать элемент противостояния. Но главным представляется вопрос, кто в этом случае слабая и сильная сторона. Практики регулирования конфликтных ситуаций, возникающих в процессе обслуживания, зачастую характеризуются решениями в пользу клиента, что вновь и вновь заставляет его ощущать собственный властный потенциал над социальным работником. Официальные должностные инструкции при всем неукоснительном их соблюдении могут лишь половинчато выступить в пользу социального работника, в то время как за клиентом стоит некая другая конфигурация отношений надзора и санкционирования. Это еще раз доказывает нали-

чие особого вектора развития отношений между клиентом и производителем услуг, где отношения власть–подчинение часто носит размытый и неопределенный характер. Ни в коем случае не отрицая наличия у клиентов «скрытых практик» достижения своих целей, в том числе и посредством манипулирования социальным работником, можно остановиться на следующих промежуточных выводах. Во-первых, вышеупомянутые положения о власти, скорее всего, имеют место исключительно в ситуативном аспекте, во-вторых, практики клиента при потреблении социальных услуг неминуемо наталкиваются на знание практик социального работника, и поэтому длительное соотнесение этих практик представляет собой особую гамму отношений, где дискурсу власти отводится отнюдь не первостепенное место.

Практики имеют место, будучи включенными в конкретные ситуации, типологизация которых, в свою очередь, может принимать различные формы и отвечать различным направлениям. Контекстуальные различия многосложных ситуаций взаимодействия или одиночного действия есть весомое основание подходить к исследованию практик в ракурсе определения, что же является «обрамлением» данной практики, что определяет цели, средства, настроения, характер коммуникации в процессе применения какой-либо практики. В этом плане интересны работы Л. Болтански и Л. Тевено, которых считают основателями одной из самых востребованных версий прагматического поворота. В частности, одной из черт прагматического поворота стал отказ от критической позиции социолога. Вместо критической социологии предложено инициировать социологию критических способно-

стей. Это потребовало исследований практик осуждения и обличения несправедливостей и заставило задуматься о практиках публичного оправдания или обоснования актором своего поведения. В углубленном варианте этот подход предусматривает обнаружение отдельных миров внутри одного состояния, которое обозначается как режим справедливости или оправдания. По Болтански и Тевено, существует шесть миров оправдания, каждый из которых имеет свою неповторимую логику обоснования поведения, не сводимую к логике других миров: 1) мир вдохновения, аргументированный одержимостью и трансцендентией; 2) домашний мир, аргументированный обязанностью уважения и заботы; 3) мир рынка, где главный аргумент – равнозначный обмен; 4) мир промышленности, аргументированный технической эффективностью; 5) гражданский мир, подразумевающий равенство граждан; 6) мир мнения, где главным аргументом является признание со стороны окружающих⁶. Как правило, во время споров происходят столкновения утверждений о справедливости, основанных на аргументациях из разных миров. Можно совершенствовать эту классификацию, добавляя другие миры, однако даже в нынешнем виде она незаменима для исследования повседневных практик взаимодействия людей друг с другом. В процессе реализации этих практик неминуемо происходит столкновение различных «миров», каждый из которых обоснован внутри одного конкретного состояния.

В социологии социальной работы весомым остается вопрос о существовании разных миров, сталкивающихся в процессе взаимодействия сотрудника и клиента. Вза-

⁶ Boltanski L. *L'amour et la justice comme compétences*. – Paris: Métailié, 2009. – С. 53.

имные требования, естественные для процесса взаимодействия, исходят из разных «миров оправдания», подкрепляясь дискурсивными различиями. Все это приводит к тому, что идеальной модели взаимодействия социального работника и клиента не разработано и по сей день. Многого отдается на откуп творческим способностям социального работника убеждать и доказывать свою правоту, не унижая достоинства клиента и не ущемляя его прав, однако это творчество стоит социальному работнику невероятных усилий и ежечасных «измен» тем мирам, в которых он пребывает как профессионал. Как правило, выходом из данной ситуации является взаимное признание клиента и работника, что им обоим необходимо пребывать в «домашнем мире», где у клиента имеется сильная аргументация в виде требований заботы и уважения, а у социального работника – открытое признание, что по-другому работать и нельзя. Однако если с клиентом все понятно, то социальный работник, в свою очередь, должен жертвовать аргументациями технической эффективности или равенства граждан. Отсюда и практики социального работника в большей степени подстраиваются под практики клиента, и не только потому, что клиент всегда прав, но и потому, что именно на социальном работнике лежит неофициальная обязанность и ему принадлежит развитая способность изменять свое местоположение в данных мирах (чего от клиента тоже можно потребовать, но с большим трудом). Это и есть та самая гибкость в практиках взаимодействия с социально уязвимыми слоями населения, которая прописана во множестве законодательных и этических принципов социальной работы.

Формирование практики происходит в своеобразных точках соприкосновения

субъекта и объекта (условно – двух субъектов). Эти точки, потенциально фиксируемые во времени и пространстве, еще не олицетворяют собственно устойчивые практики, однако создают предпосылки для формирования устойчивых образцов поведения субъектов. Данные объективированные предпосылки должны предусматривать определенный уровень телесной и интеллектуальной вовлеченности субъекта, однако этим не исчерпывается совокупность их характеристик. Практика, постоянно повторяясь, является обоснованием себя самой как в глазах субъекта, так и в глазах внешних наблюдателей. Практика содержит в себе смысл уже своей повторяемостью, ибо создает определенность в действиях как индивида, так и для самого же индивида. Традиционная социология повседневности указывает на то, что практика не должна быть событием, т. е. чем-то из ряда вон выходящим, при этом относясь к конкретному индивиду. Однако некоторые события могут быть в прямом смысле нетрадиционными событиями в жизни конкретного индивида, но при этом оставаться практиками с социетальной точки зрения. Подача жалобы на действия сотрудника социальной защиты населения со стороны конкретного клиента – это событие для клиента, поскольку он может это делать первый, а может, и единственный раз жизни. Однако в любом акте подачи жалобы всегда можно усмотреть элемент общесоциальной практики подачи жалоб, свойственной всем, кто до этого хотя бы раз пребывал в роли жалобщика. Идентичность этих процессов обусловлена не только единым официально прописанным характером жалобы, но и повседневным опытом: как надо разговаривать с руководством в случае жалобы на подчиненно-

го; в каких понятиях надо обрисовать конфликтную ситуацию; как надо упредить ответные действия работника, на которого жалуешься, и т. д. Этот опыт формируется в процессе многократного взаимодействия актора с различными социальными институтами, организациями, учреждениями, которые встречались в его жизни. Этот опыт помножен на бытовую интуицию, которой в принципе обладает большинство индивидов. Как результат – большинство жалобщиков действуют по одинаковому сценарию, используя идентичные приемы и методы взаимодействия с организацией и конкретными людьми. При этом здесь нет субъективной повседневности – для индивида, еще раз повторимся, это может быть первая жалоба в его жизни. Таким образом, автор не склонен соглашаться с утверждением, что практика формируется исключительно исходя из многократного повторения того или иного акта одним и тем же лицом. Объективированный опыт – вот один из важнейших (хотя и не самых главных) факторов спонтанного производства и постоянного воспроизводства идентичных практик неидентичными акторами.

Теория практик обладает мощным потенциалом концептуализации методологии исследований социальной работы. Практико-центристский подход интересен в том плане, что позволяет увидеть всепоглощающую роль деятельностной рутины в интерпретации слов и явлений. Традиционная трактовка фона потребления социальных услуг, состоящего только из слов и смыслов, нуждается в расширении, а именно в прибавлении к словам и смыслам еще и действий. Многое начинает казаться немыслимым и необычным именно потому, что идет вразрез с рутинизированными действиями клиента, которые социаль-

ный работник или исследователь стремится лишний раз не замечать. Представляется верным положение о том, что потенциал «объяснительности» и детерминистской направленности в теории практик присутствует не меньше, чем в любой другой методологической концепции. Более сложными представляются вопросы, насколько поддаются объяснению и раскрытию сами практики клиентов социальных служб, на чем основана их устойчивость, а равно и их гибкость к переменам в законодательстве или в методах предоставления услуг. Но в любом случае именно в процессе практических исследований проясняются возможности практико-ориентированного подхода не только в плане интерпретации окружающей действительности, но и объяснения причинно-следственных связей различных явлений и процессов в социальной работе.

Литература

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.
- Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с англ. М.С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – 524 с.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
- Жуков В.И. Мировой кризис: экономика и социология глобальных процессов. – М.: РГСУ, 2009. – 122 с.
- Фуко М. Археология знания. – СПб.: А-сэд, 1994. – 258 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Marginem, 2002. – 424 с.
- Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: учеб. пособие. – 6-е изд. – М.: Дашков и К, 2010. – 344 с.
- Boltanski L. *L'amour et la justice comme competences*. – Paris: Metailie, 2009. – 488 p.